

1824

«Мыслящие восстали...»

В марте 1824 г. в Петербург приехал командир Вятского пехотного полка, 30-летний полковник Павел Пестель. Этого человека в столице хорошо знали: сын жестокого и властного генерал-губернатора Сибири, «сибирского сатрапа», как называли его современники, блестящий выпускник Пажеского корпуса, герой Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, он уже семь лет был заговорщиком. К моменту приезда в столицу он — еще и беспорный лидер тайного Южного общества, действовавшего на значительной части Украины и в Бессарабии.

Главной целью его визита была попытка объединения Южного общества с петербургским Северным обществом. Кстати, оба названия условны, так как были даны во время следствия и по географическому принципу теми, кто вел допросы; впрочем, сами декабристы к ним привыкли и нередко использовали в своих воспоминаниях. Для объединения предстояло прежде всего договориться с лидером северной организации — 28-летним штабс-капитаном Гвардейского генерального штаба Никитой Муравьевым. Муравьев, один из основателей российских тайных обществ, происходил из семьи известного писателя, друга Карамзина и попечителя Московского университета Михаила Муравьева, сам окончил Московский университет и тоже был героем заграничных антинаполеоновских походов. В прошлом Никита Муравьев был другом и единомышленником Пестеля, а теперь стал его политическим оппонентом.

Начались знаменитые петербургские «объединительные совещания» 1824 г. Для декабристских организаций это была важнейшая веха, развилка, от которой зависело будущее движения.

Если бы удалось объединить общества, установить дату выступления (на чем настаивал Пестель), выработать единый план «военной революции» и действий после захвата власти, то тогда резко возросли шансы на успех восстания и начало радикальных реформ. Неудача же значительно ослабляла и без того разрозненные силы заговор-

щиков. Ситуацию осложняло то обстоятельство, что Северное общество изначально строилось на принципе противопоставления идеям и планам южан и их лидера, а борьба людей в заговоре была не менее, а порой и более острой, чем столкновение программ. Пестель, собираясь в Петербург, предвидел сложность стоявших перед ним задач и говорил своему соратнику Сергею Муравьеву-Апостолу (дальнему родственнику руководителя Северного общества), что «более всего ожидает сопротивления на счет принятия "Русской правды", тем паче, что в Северном обществе существует конституция, сочиненная П. Муравьевым». «Русская правда» предусматривала установление в постреволюционной России республики, в то время как Никита Муравьев был сторонником конституционной монархии.

Однако реальный ход переговоров оказался иным, не таким, каким он виделся Пестелю до его приезда в Петербург. Сразу же выяснилось, что программные расхождения не столь велики, они касались скорее формы, нежели существа дела. И преодолеть их было вполне возможно. Тем более, что «Конституция» Никиты Муравьева, в отличие от «Русской правды», не была официально утвержденной программой Северного общества.

Давний заговорщик и один из директоров Северного общества князь Евгений Оболенский был согласен с республиканскими идеями «Русской правды», другой директор, Трубецкой, «то был согласен на республику, то опять оспаривал ее», и даже споры с Никитой Муравьевым не выявили принципиальной разницы во взглядах. Муравьев, по словам Пестеля, отзывался «с сильным негодованием» о членах императорской фамилии и утверждал, «что монархические формы» даны им (Муравьевым) своей конституции «ради вновь вступающих членов». Да и сам Пестель ради объединения был готов отказаться от собственной республиканской программы (по словам Трубецкого, «показал вид, что убежден нами, и что в России конституционное правление не иначе может быть, как монархическое»).

Гораздо более сложными оказались переговоры о конкретном плане действий по захвату власти и введении нового строя. План Пестеля предполагал, во-первых, цареубийство, причем в исполнении своеобразного «отряда обреченных» («избранные на сие должны находиться вне общества, которое после удачи своей пожертвует ими и объявит, что оно мстит за императорскую фамилию»). Во-вторых, предусматривалось введение диктаторского Временного верховного правления

(только из заговорщиков) с неограниченной властью, которое, «приняв присягу от Синода, Сената и всей России, раздав министерства, армии, корпуса и прочие начальства членам общества, мало-помалу... будет постепенно вводить новое образование». Сам Пестель видел себя одним из диктаторов, а бывшее тайное общество — своего рода кузницей кадров и «номенклатурой» новой России — «никто, не поступив предварительно в оное, не должен быть облечен никакою военною или гражданскою властью». Таким образом, из тайного общества получалась фактически политическая партия, которая захватывает власть в стране и удерживает ее с помощью военной силы до тех пор, пока революционные преобразования не станут необратимыми.

Планы Муравьева были совершенно иными. Во-первых, распространить «между всякого состояния людей "Конституцию"», произвести «возмущение в войске» и обнародовать текст конституции. Во-вторых, по мере военных успехов, «во всех занятых губерниях и областях приступить к собранию избирателей, выбору тысяцких, судей, местных правлений, учреждению областных палат, а в случае великих успехов — и Народного веча». Именно оно должно было договориться с царем, решить вопрос о форме правления и принять или отвергнуть муравьевский конституционный проект. Это был план гораздо более демократический, но и гораздо более трудный в исполнении. В отличие от пестелевской военной диктатуры он предусматривал на переходный период своеобразную национальную ассамблею, решения в которой принимались бы большинством голосов. Однако такой план был уравнением со многими неизвестными — например, неясно было, кто, как и на основании каких принципов будет проводить местные выборы, что будет в случае отказа принять конституцию с императором и его семьей (автор предполагал при таком раскладе установление республики и высылку августейшей фамилии за границу, но непонятно, что надо было бы делать в случае отказа семьи «высылаться»). Не принимался в расчет и фактор времени, которое понадобилось бы на местные выборы и достижение «великих успехов», а затем и на избрание Народного веча. Трудно поверить, что работавшие долгие годы в Генеральном штабе Муравьев и Трубецкой могли так по-любительски планировать будущее «дело». Скорее всего, их план был составлен наспех, к приезду Пестеля и с целью продемонстрировать ему независимость столичных заговорщиков, наличие у них собственной программы.

Видимо, это понял и Пестель, соглашавшийся буквально на все как стратегические, так и тактические предложения северян, но настаивавший на слиянии двух обществ и беспрекословном повиновении всех членов единому руководству. В результате на совещании, состоявшемся на квартире Рылеева, было принято решение о соединении обществ. Казалось, заветная цель была достигнута. Однако через несколько дней это решение было отменено.

Роковую роль здесь сыграла приватная встреча Пестеля с Рылевым, в ходе которой лидер южан неосторожно выразил восхищение Наполеоном: «Вот истинно великий человек! По моему мнению: если уж иметь над собою деспота, то иметь Наполеона. Как он возвысил Францию! Сколько создал новых форту!» Рылеев с его подчеркнутой любовью к «общественному благу» заподозрил в собеседнике мотивы личной корысти и, вероятно, первым из заговорщиков сравнил его с французским узурпатором. Он рассказал о своей беседе другим северянам, и те в результате заговорили о Пестеле как о честолюбце, возмечтавшем воспользоваться плодами произведенной в столице революции. В итоге этого дележа шкуры неубитого медведя северные лидеры отказались иметь дело с Пестелем, а Никита Муравьев, не присутствовавший при принятии «объединительного» решения, потребовал его отмены и добился своего.

В итоге объединение обществ было отложено до 1826 г., а репутация Пестеля — бесповоротно испорчена.

Как справедливо отметила биограф Пестеля О.И. Киянская, враждебное отношение северных лидеров вызвала, прежде всего, сама личность Пестеля. Кондратий Рылеев на следствии утверждал, что «Пестель человек опасный для России и для видов общества». «Корифей» заговора, гвардейский полковник и опытный штабист князь Сергей Трубецкой вспоминал, что он «имел все право ужаснуться сего человека», а Никита Муравьев назвал идеи Пестеля «варварскими» и «противными нравственности». Все они единодушно подозревали полковника в «личных видах», честолюбии и властолюбии.

«Никита Муравьев представлял его мне как человека опасного и себялюбивого, по я не мог в том увериться, не исследовав сего сам лично... Я говорил... о предложении его ввести республиканское правление. Мне нужно было узнать, каким средством он сего хотел достигнуть, и я успел узнать тогда

ж, что он обрекал смерти всю высочайшую фамилию, и для того именно нужно ему было содействие здешних членов... Сам он садился в Директорию. Я ему представлял узкое, каковой подобные убийства нанести должны, что убийцы будут гнусны народу, что людям, никакого имени не имеющим и неизвестным, невозможно сесть в Верховное правление... но уже тогда он увидел, что я его подозреваю в личных видах, когда я ему стал доказывать, что он вместо законного самодержавного правления поставляет самовольный деспотизм директоров, которым отдает всю высочайшую власть в руки на неопределенное время>> (Трубецкой С.П. Записка-показание об истории тайных обществ // Восстание декабристов. Документы и материалы. Т. I. М.-Л., 1925. С. 90-91).

Версию о пестелевском бонапартизме приняли не только его оппоненты из Северного общества и — впоследствии — его следователи и судьи. Версию эту мы можем видеть даже в воспоминаниях добрейшего протоиерея Петра Мысловского, окормлявшего декабристов во время следствия и присутствовавшего при казни. По его словам, полковник «увертками, телодвижением, ростом, даже лицом очень походил на Наполеона. И сие-то самое сходство с великим человеком, всеми знавшими Пестеля единогласно утвержденное, было причиною всех его сумасбродств и самих преступлений. Ему погрезилось, так сказать, наяву, что он легко может сделаться в России тем же самым, чем был во Франции Наполеон». Внешнее сходство, сыгравшее немалую психологическую роль в судьбе Пестеля, подтверждают и прижизненные портреты, и пушкинские наброски.

В итоге личные амбиции и борьба характеров сорвали переход всего заговора на более высокую ступень зрелости и уменьшили его шансы на успех 14 декабря 1825 г. Замысел, имевший долгую и значительную историю, так и не сумел окончательно организовать для политической победы. Это, между прочим, не помешало ему победить в иной плоскости — моральной и нравственной, создав (не без помощи Александра Герцена) знаменитую декабристскую легенду, мощно и долговременно повлиявшую на русское общественное сознание и культуру (от стихов Пушкина и Тютчева до песен Галича и фильма Мотыля «Звезда пленительного счастья»).

«Произшествия 1812,13,14 и 15 годов»

История декабризма начинается с роста общественной и особенно молодежной активности в 1810—1811 гг., когда возникают первые объединения — офицерские кружки и артели, тайные общества. Перед Отечественной войной 1812 г. это были, например, сообщество офицеров Кавалергардского полка, «Юношеское братство» (или «Чока») и «Рыцарство». Для них помимо чисто дружеских и образовательных стремлений, как показала в своем исследовании В.М. Бокова, были характерны смутные, слабо оформленные идеи гражданского служения, патриотической жертвы на благо отечества (причем «жертва» явно превалировала над «благом»), поиски сферы приложения сил.

Колоссальный толчок процессу кристаллизации тайных обществ дала «гроза двенадцатого года» и особенно заграничные походы русской армии 1813—1814 гг. Как считают многие исследователи, 1812 г. стал первым совместным действием русской нации, рождавшейся на полях сражений, и привел к пробуждению национального сознания в самых разных его формах — от политических до литературных. Многие из будущих заговорщиков прошли Европу от Москвы до Парижа, участвовали в важнейших событиях, менявших судьбы народов, и, очевидно, первыми из всех поколений русских людей могли почувствовать себя подлинными действующими лицами всемирной истории. Знакомство с общественным и политическим строем европейских стран (некоторые были лично знакомы и беседовали с французскими либералами — Бенжаменом Коистаном и др.), чтение и обсуждение прочитанного сформировали у этой военной молодежи совершенно особое мировоззрение и круг интересов. «Все, что они видели, и все, что они вычитывали из иноземных книг, они прилагали к своему отечеству, сравнивали его порядки и предания с заграничными» (В.О. Ключевский). Сравнение нередко оказывалось не в пользу России, и тут в действие вступал очень характерный именно для этого поколения деятельный дух, который точно выразил Николай Тургенев, — «нельзя же не делать ничего оттого, что нельзя сделать всего!»

На вопрос следователей о том, что внушило ему революционный образ мыслей, Павел Пестель ответил: «Произшествия 1812, 13, 14, и 15 годов... показали столько престолов

низверженных, столько царств уничтоженных, столько новых учрежденных, столько царей изгнанных, ... столько революций совершенных, столько переворотов произведенных, что все сии произшествия ознакомили умы с революциями, с возможностями и удобствами оные производить. К тому же имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же, от Португалии до России, не исключая ни единого государства, даже Англии и Турции, сих двух противоположностей. То же самое зрелище представляет и вся Америка. Дух Переобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать (fait bouillir les esprites)» (Восстание декабристов. М.-Л., 1927. Т. 4. С. 105).

О том же говорили и другие заговорщики, называя в качестве причин своего мировоззрения то «вольнодумческие и либеральные мысли как господствующее тогда мнение» (С.Г. Волконский), то «трехлетнюю вошгу, освободившую Европу от ига Наполеонова; последствие оной, введение представительного правления в некоторые государства; сочинения политические..., читаемые с жадностью молодежью; дух времени, наконец, обративший умы к наблюдению законов внутреннего устройства государств...» (С.И. Муравьев-Апостол).

«Клокотание умов» подогревалось и печальной картиной российских порядков, основательно подзабытых за военные годы. На родине «рабство бесправного большинства русских, жестокое обращение начальников с подчиненными, всякого рода злоупотребления власти, повсюду царствующий произвол — все это возмущало и приводило в негодование образованных русских и их патриотическое чувство» (М.А. Фонвизин). Естественно, «возвратясь в Петербург, могли ли наши либералы удовольствоваться пошлою полковою жизнью и скучными мелочными занятиями и подробностями строевой жизни, которые от них требовали строгие начальники, угождая тем врожденной склонности Александра и братьев его к фронтумании?». Позднее историки назовут такие настроения тяжелым кризисом не востребованности, осознанием ограниченности своих возможностей в строго сословном, крайне зависимом от верховной власти обществе. Ответом стало возникновение новых тайных обществ.

Либеральные разбойники

Самым значительным из них стал образовавшийся в 1816 г. в Петербурге Союз спасения. Его основали шесть боевых офицеров, прошедших через «произшествия» 1812—1815 гг. Старшему из них, Сергею Трубецкому, было 27 лет, а младшему, Сергею Муравьеву-Апостолу, — всего 19. Вскоре в общество был принят двадцатитрехлетний кавалергард Павел Пестель, быстро ставший благодаря острому уму, начитанности и ораторскому таланту одним из лидеров. Члены общества, которых насчитывалось около 30 человек, «согласились» в том, что необходимо бороться за установление представительной формы правления в виде конституционной монархии и освобождение крестьян. Царя необходимо было «принудить» дать стране конституцию. Заговорщики поклялись на кресте и Евангелии (отголоски практики масонских лож) добиться своей цели при смене императоров на престоле — они решили не присягать новому царю до тех пор, пока он не подпишет предложенную ему конституцию. Однако оставалось неясным, как действовать в конкретных обстоятельствах, чтобы, с одной стороны, не спровоцировать «ужасы народной революции», с другой — обеспечить выполнение своих требований. Об этом шли бурные споры, которые вскоре, под влиянием известий о польских планах Александра I, перешли в острую фазу — возник так называемый Московский заговор 1817г.

Осенью 1817 г., во время пребывания царского двора и сопровождавшей его гвардии в Москве (в связи с закладкой на Воробьевых горах храма в честь войны 1812 г.), среди офицеров распространились слухи о намерениях Александра присоединить к образованному в 1815г. Царству Польскому западнорусские губернии (доставшиеся России в результате разделов Речи Посполитой в 1790-х гг.). Скоро выяснилось, что слухи эти неосновательны, но умы уже успели всколотать (поляки в кампании 1812 г. воевали на стороне Наполеона). Многие заговорщики «вскричали, что покушение на жизнь императора есть необходимость», а Иван Якушкин предложил себя в убийцы со словами: «Рок избрал меня в жертвы, сделавшись злодеем, я не должен, не могу жить: совершу удар и застрелюсь». Правда, уже на следующий день мысль о цареубийстве была оставлена. Заговорщики поняли, что смутившие их слухи ложны, «предположенное злодейство будет бесплодно, ибо тайное общество не имеет еще средств оным воспользоваться» (Сергей Муравьев-Апостол). Кроме того, большинство

заговорщиков пока еще не свыклись с мыслью о цареубийстве — «крови по совести». Против цареубийства высказался, например, Пестель, его поддержал его будущий оппонент Трубецкой.

В Московском заговоре, как в зародыше, уже содержались все основные проблемы и противоречия декабризма — как внутренние, так и внешние. Еще в Петербурге при обсуждении написанного Пестелем устава, «Статута» Союза спасения, во многом копировавшего масонские обряды и клятвы, многие из участников обсуждения отвергли этот документ. Отвергли на том основании, что он «годен разве для разбойников муромских лесов», а не для культурного общества с политическими целями. Предложенные Пестелем строго конспиративный характер организации, деление членов общества на «разряды», безоговорочное подчинение «низших» «высшим», угроза смерти за предательство — все это считалось среди современников «якобинством» (имелся в виду печальный опыт якобинского террора во Франции).

Начались длительные споры о принципах построения и деятельности общества, целях и средствах их достижения. Историки по-разному трактуют эти споры — то как столкновение либеральной и радикальной (революционной) линий движения, то как споры любителей и профессионалов, то как конфликт сторонников разных европейских моделей тайных обществ (одни декабристы ориентировались на немецкий просветительский Тугенбунд, другие — на итальянских революционных карбонариев) или разных масонских систем (из масонских лож вышли более 50 декабристов). Споры эти в плане организационно-тактическом шли вплоть до утра 14 декабря 1825 г., а в идейном — продолжались и в ссылке, при написании мемуаров.

Организационные и тактические зигзаги декабристов в значительной степени объясняются тем, что заговорщики и правительство работали над одним и тем же — планами реформ для России. Катастрофическое столкновение 1825 г. было следствием, прежде всего, деспотического режима и отсутствия «обратной связи» общества и власти. Даже сравнительно либеральное правительство Александра I, намекая на возможность коренных реформ, держало в тайне от общества процесс разработки конкретных документов, периодически от них отрекаясь. Мыслящее же дворянство, не видя реальных перемен, вынуждено было создавать тайные общества.

Правда, после кризиса 1817 г. заговорщики осознали необходимость перестройки узкого и заговорщического по своему характеру «Со-

юза спасения», расширения его состава, привлечения на свою сторону общественного мнения, разработки новой развернутой программы.

Союз благоденствия

В начале 1818 г. в Москве возникла следующая декабристская организация — Союз благоденствия, насчитывавшая уже через полгода более двухсот членов. Стремительный рост рядов был вызван как изменением программы и тактических установок, так и воздействием на русское общество знаменитой варшавской речи Александра I. В ней император впервые открыто заявил о подготовке конституции для России. Кроме того, в частных беседах он в это время осуждал крепостное право, что скоро стало достоянием гласности.

«Трудно было устоять против обаяний Союза, которого цель была: нравственное усовершенствование каждого из членов, обоюдная помощь для достижения цели, умственное образование как орудие для разумного понимания всего, что является обществом в гражданском устройстве и нравственном направлении, наконец, направление современного общества, посредством личного действия каждого члена в своем особенном кругу, к разрешению важнейших вопросов... тем влиянием, которое мог иметь член... В дали туманной, недостижимой виднелась окончательная цель — политическое преобразование отечества, — когда все брошенные семена созреют и образование общее делается доступным для массы народа» (Оболенский Е. П. Воспоминания о К. Ф. Рылееве // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1980. С. 79-80).

Из этих слов видно, что новое общество строилось на началах постепенности, просвещения и гражданственности. Основные цели оставались теми же — установление конституционной монархии, освобождение крестьян, демократические реформы в различных областях государственной жизни. Однако тактика изменилась — действовать предполагалось путем распространения просвещения и формирования либерального общественного мнения как силы, способной преоб-

разовать российскую действительность в отдаленном, но реальном будущем. «Даль туманная, недостижимая» должна была, по расчетам заговорщиков, приблизиться через двадцать лет. За этот срок общественная деятельность Союза призвана была подготовить грядущие перемены и сделать их бескровными.

Была написана программа общества, в которой (по негласной договоренности) предусматривались две степени посвящения членов: одним была известна окончательная политическая цель союза, другие же знали только о просветительских и благотворительных его намерениях. Первая часть программы, получившая по цвету переплета название «Зеленой книги», не содержала в себе ничего противозаконного. Участникам общества, не посвященным в конечную, «сокровенную» его цель, предлагалось избрать для себя одну из четырех возможных областей деятельности: «человеколюбие», т. е. благотворительность, облегчение участи крепостных или иных страждущих; образование; правосудие; общественное хозяйство. Вторая часть устава, которая должна была быть известна только посвященным, так и осталась ненаписанной, известен только ее проект, предполагавший установление в России конституционной монархии.

Общество состояло из управ (Петербургской, Московской, Тульчинской, Кишиневской и других), подчинявшихся Коренному совету. За почти три года своего существования Союз благоденствия, будучи самой многочисленной из декабристских организаций, развил бурную и многостороннюю деятельность. Декабристы помогали крепостным получить вольную — так, например, Николай Басаргин активно участвовал в освобождении двух беглых дворовых девушек, спасавшихся от грозившей им участи стать наложницами жестокосердного барина, их собственного отца (по справедливому замечанию М.В. Нечкиной, случай, почти совпадающий с описанием безобразий крепостников в книге Радищева). Союз выкупил крепостного поэта Сибирякова у рязанского помещика Маслова, который потребовал огромную сумму (10 тысяч рублей) за своего кондитера (как писал Петр Вяземский, «в отечестве — поэт, кондитер в барском доме»). Чтобы скопить денег и принять участие в выкупе крепостного поэта, небогатый декабрист Федор Глинка отказался от питья чая, стоившего тогда очень дорого, и пил вместо чая кипятки, откладывая сэкономленные деньги.

Лицейский однокашник и друг Пушкина Иван Пущин, выполняющий программу борьбы с судебным беззаконием, совершает невиданный

для дворянина поступок — уходит в надворные судьи и, по выражению Н.Я. Эйдельмана, «вторгается в мир московского правосудия, куда доселе не ступала нога человека». В результате такой деятельности, по свидетельству Глинки, «многие взяточники обличены, люди бескорыстные восхвалены, многие невинно утесненные получили защиту; многие выпущены из тюрем... иные прощены и от ссылки избавлены... купец Савастьев уже с дороги в Иркутск возвращен и водворен благополучно в семействе...». Николай Тургенев и Александр Муравьев написали и подали царю обстоятельные записки о вреде крепостного права и неотложной необходимости реформ. Записка первого осталась без ответа, второму император велел передать — «дурак, не в свое дело вмешался». Это был хороший урок на будущее...

Наконец, во время голода 1820 г. в Смоленской губернии члены Союза Иван Якушкин и Михаил Фонвизин организовали комитет помощи голодающим и спасли тысячи человек. Это вызвало тревогу у Александра I, заметившего одному из своих придворных — «эти люди могут кого хотят возвысить и уронить в общем мнении».

Однако, разрастаясь, Союз благоденствия терял и без того шаткое организационное и идейное единство. В обществе оказалось слишком много случайных людей, и — при весьма слабой конспирации — его деятельность стала слишком прозрачной для правительства. Кроме того, усилился радикализм взглядов левого крыла, не желавшего мириться с медлительностью и постепенностью преобразований и все более склонявшегося к мысли о военном перевороте и цареубийстве.

Сам Пестель в это время, по его собственным словам, «от монархического конституционного образа мыслей был переведен в республиканский» — размышлениями над «возрастаниями благоденствия в северных Американских Соединенных Штатах», упадком Рима времен империи и «щастием» Великого Новгорода. На петербургских совещаниях зимой 1820 г. он выступил с докладом о «выгодах и невыгодах как монархического, так и республиканского правлений», с целью, чтобы «потом каждый член объявлял свои суждения и свои мнения». В итоге все высказались за республику. Это, в свою очередь, потребовало пересмотра тактики (Павел Пестель и Никита Муравьев высказались за цареубийство, остальные считали, что оно «неминуемым последствием будет иметь анархию и гибель России») и разработки конституционных проектов для будущей «преображенной России».

Собравшийся весной 1821 г. в Москве съезд Союза благоденствия проходил в сложных общественных условиях. Революции в Испании, Неаполе, Португалии, Пьемонте расшатывали троны западноевропейских монархов и давали русским заговорщикам обильную пищу для размышлений. В России тоже было неспокойно: происходят восстания в военных поселениях, осенью 1820 г. случилась «Семеновская история». Правительство Александра I фактически отказалось от проведения обещающих реформ. По справедливому замечанию С.В. Мироненко, «на отказ верховной власти от реформ тайное общество ответило переходом от тактики просветительской конспирации к тактике прямого революционного действия». Сама жизнь начинает новый этап в истории тайного общества. Новое вино невозможно было вливать в старые мехи.

Этот новый этап начался в 1821 г.: именно тогда, на съезде в Москве, участники Союза благоденствия объявили о ликвидации собственной организации. Правда, роспуск этот был мнимым, направленным на «очищение рядов» тайного общества. Новой организации, которую предстояло создать на руинах Союза благоденствия, надо было избавиться как от случайных и благонамеренных, так и от крайне радикальных сотоварищей.

К числу последних принадлежал, например, генерал-майор Михаил Орлов. Орлов к этому времени имел немалый военный опыт: с 1805 г. он воевал, прошел всю Отечественную войну и заграничные походы, в 1813 г. подписал акт о капитуляции Парижа, был лично знаком с императором Александром I и неоднократно исполнял его конфиденциальные дипломатические поручения. Орлов считал, что всего этого вполне достаточно для того, чтобы стать единоличным лидером будущей русской революции.

В распоряжении генерала была реальная военная сила — к 1821 г. он командовал 16-й пехотной дивизией. На съезде Орлов потребовал немедленного начала военной революции и при этом «ручался за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению»; разговор *шел* также «о заведении типографии в лесах, даже делании там фальшивых ассигнаций, для доставления обществу потребных сумм». После отказа участников съезда поддержать его «неистовые меры» Орлов покинул тайное общество.

Однако большинству участников Московского съезда был чужд не только генерал Орлов, но и радикалы иного, якобинского толка. Поэ-

тому Пестелю и его приверженцам было объявлено о роспуске общества. Но Пестель решениям съезда не подчинился.

В Тульчине (город в Киевской губернии, место дислокации штаба 2-й армии, в котором Пестель служил) он созвал совещание собственных сторонников. Согласно показаниям участника совещания Александра Барятинского, Пестель спросил у собравшихся: «Ужели собравшиеся в Москве члены имели право разрушать общество, и согласны ли мы его продолжить?» На что все единогласно изъявили свое намерение его продолжить.

Так в марте 1821 г. возникло Южное общество (в терминологии следствия; сами его участники сохранили название Союза благоденствия), а Пестель стал его руководителем.

На этом же совещании была официально принята и новая тактика — «революционное действие посредством военной силы» (военная революция). Согласно идее Пестеля, русская революция должна начаться в Петербурге «яко средоточии всех властей и правлений». Задачей же тех членов тайного общества, которые служили вне столиц, было, по его собственным словам, «признание, поддержание и содействие Петербургу». В тактические планы южных заговорщиков было официально включено и цареубийство.

Думы южные и думы северные

Следующим шагом стало образование в 1823 г. Северного общества (самоназвание — «Союз убежденных и присоединенных») и создание двух основных декабристских документов — «Русской правды» Пестеля и «Конституции» Никиты Муравьева. Как вспоминал Басаргин, «Южная и Северная думы приняли два различных направления: первая положила себе целью демократический переворот, вторая — монархически-конституционный. Несмотря на это разногласие целей и средств, обе думы, не действующие совокупно, не прекращали сношений между собою. Двигателем по Южной думе был Павел Пестель, по Северной — Никита Муравьев».

Следует отметить, что оба эти проекта, как и большинство других теоретических разработок декабристов, имеют очень много общих черт: ликвидацию самодержавия и введение в России представительного правления (в виде республики или конституционной монархии),

отмену крепостного права, упразднение дворянства. И это не случайно. При всех личных и идейных разногласиях, при всех колебаниях и сомнениях члены тайных обществ были едины в одном: будущая Россия должна быть государством бессловным, построенным на началах всеобщего юридического равенства и всеобщих равных возможностей. «В отношении дворянства вопрос о реформе ставится так: что лучше — быть свободным вместе со всеми или быть привилегированным рабом при неограниченной и бесконтрольной власти?.. Истинное благородство — это свобода; его получают только вместе с равенством — равенством благородства, а не низости, равенством, облагораживающим всех», — утверждал Николай Тургенев. Судя по «Русской правде» и «Конституции», авторы обоих этих проектов были с Тургеневым вполне солидарны.

Однако различий в проектах Пестеля и Муравьева тоже было немало. Различия эти носят теоретический характер и объясняются в основном стремлением их авторов создать альтернативу друг другу в плане организационно-тактическом и личном. В рамках обрисованной выше общей программы ряд конкретных целей и способов их достижения в лидеры Северного и Южного обществ представляли себе по-разному. Разногласия относились к вопросам о земле, политических правах граждан и форме правления, федеративному или унитарному строю будущей России, а также способам осуществлению своих революционных планов.

В первом варианте конституции Муравьева развивался принцип безземельного освобождения крестьян («земли помещиков остаются за ними»). Предусматривалось даже возмещение убытков, причиненных переселением крестьян в другие места. В последнем, третьем варианте (написанном уже в крепости по требованию следователей) утверждалось иное: «Помещичьи крестьяне получают в свою собственность дворы, в которых они живут, скот и земледельческие орудия, в оных находящиеся, и по две десятины земли на каждый двор, для оседлости их». У Муравьева политические права обусловлены высоким имущественным цензом, тем более высоким, чем о более высоких государственных должностях идет речь (от 500 рублей до 60 тысяч).

На совещании 1820 г. Муравьев был согласен с Пестелем в требовании республики. Однако в 1821 г. он — не в последнюю очередь под влиянием отрицательного отношения к тактике и личности лидера южан — уже сторонник монархии, основанной на разделении властей. Законодательную власть, по конституции Муравьева, осуществ-

твляет Народное вече, состоящее из Верховной Думы и Палаты народных представителей.

Верховная исполнительная власть принадлежит императору (он «есть верховный чиновник российского правительства»), но при этом монарх не имеет права объявлять войну и заключать мир. При вступлении в правление он приносит присягу Народному вечу — клятву верности сохранять и защищать конституцию России. Права императора довольно обширны (назначение министров, чиновников, послов, право отлагательного вето, право верховного командования войсками и др.), но его деятельность и деятельность чиновников исполнительной власти подлежат контролю и оценке Народным вечем. Исполнительную власть осуществляет «державный правитель», избранный Народным вечем и утвержденный императором. Верховная Дума (в составе Народного веча) избирается собраниями держав, т. е. административных единиц. Высшим органом судебной власти является «Верховное судилище». Предусматривалось создание системы судов (областные, уездные заседания) с участием присяжных. Судьи, по мысли Муравьева, должны быть выборными.

Конституция была монархической, но в крайнем (с учетом российской политической практики весьма вероятном) случае Муравьев предполагал введение республики. Как он говорил на следствии, «если бы императорская фамилия не приняла конституции, то как крайнее средство я предполагал изгнание оной и предложение республиканского правления».

Необходимость же монархии для России он обосновывал высказанным еще в «Наказе» Екатерины II аргументом — обширностью территории страны, требующей значительной силы власти. При этом Муравьев высказывал опасение, что сила власти может прийти в столкновение с началами свободы. И для этого необходим повышенный контроль представительных учреждений за действиями администрации. «Всякий чиновник исполнительной власти отвечает за каждое свое действие, никто не может оправдываться полученным приказанием... и всякий исполнитель противозаконного веления будет наказан так, как и подписавший веление. Император не подлежит суждению (если же сам император лично учинит какое-либо преступление, за которое никто другой не подлежит ответственности, то сие приписывается нравственному недугу Народным вечем, которое, в таком случае, учреждает регентство посредством особого закона)».

Если в столице (по первому проекту ею должен был стать Нижний Новгород, по второму — Москва) деятельность императора и чиновников контролирует Народное вече, то в обширной стране трудно обеспечить законность действий чиновников, отдаленных от столицы, без дополнительных гарантий.

Этим обстоятельством Муравьев в значительной степени объясняет федеративный характер будущего российского государства: «Федеральное или Союзное правление одно разрешило сию задачу, удовлетворило всем условиям и согласило величие народа и свободу граждан». Муравьев был большим поклонником федеративного устройства Северо-Американских Соединенных Штатов и внимательно штудировал как федеральную американскую конституцию, так и конституции всех 23 штатов. Будущая Россия мыслилась им как федерация, состоящая из 15 держав и областей (в третьем проекте), образованных по территориальному принципу (Балтийская, Заволжская, Западная, Черноморская, Ленская и др.). В каждой из держав предусматривалось двухпалатное законодательное собрание (Державная дума и палата выборных). Державы делились на уезды во главе с выборными начальниками — тысяцкими.

При этом понимание Муравьевым федерализма, как справедливо заметил его биограф Н.М. Дружинин, было довольно специфическим: в столице Народное Вече под контролем императора издает общегосударственные постановления, а в державах и областях действуют областные собрания, которым предоставлены «частные расположения, касающиеся до областей». Такая интерпретация федерализма очень далека от североамериканского права, утверждавшего первоначальную власть каждого отдельного штата и не признававшего исключительно суверенитета за союзными органами. Произошло это потому, что Муравьев видел в федеративном правлении только противовес бюрократическому централизму, для чего вполне достаточно расчленения государственной территории на полуавтономные области.

В отношении тактики Муравьев полагал, что военная революция произойдет в столицах и других частях страны, где имеются вооруженные силы, руководимые офицерами — участниками тайных обществ. «Силою оружия», как лаконично ответил он на вопрос следственной комиссии, Сенат будет принужден к опубликованию Манифеста об отмене крепостного права, о равенстве всех перед законом, о свободе печати и т. д. Предполагалось избрание выборных «представителей на-

родных», которые «учредят на будущее порядок правления и государственное законоположение». Одновременно в тех частях России, где одержат успех войска, руководимые тайными обществами, упраздняется крепостное право («раб, прикоснувшийся земли Русской, становится свободным») и военные поселения, вводятся представительные учреждения, свободы печати, слова и совести. Движение войск на столицы прекращается с упразднением прежнего правления.

По-другому эти же проблемы решал Пестель в своей знаменитой «Русской правде» — наказе Временному верховному правлению на переходный период. Нарочито архаическое название было дано для того, чтобы подчеркнуть связь будущей революции с историческим прошлым русского народа, почтить национальные традиции. Той же цели служило и предполагавшееся перенесение столицы в Нижний Новгород с переименованием его во Владимир, введение древнерусских образцов в форменную одежду.

Во времена Союза благоденствия Михаил Лунин, посмеиваясь над обстоятельностью Пестеля, говорил, что тот «хочет наперед энциклопедию написать, а потом к революции приступить». «Русская правда», действительно, была документом стратегической важности — она должна была гарантировать, «что Временное правление единственно ко благу Отечества действовать будет», а не по «своему произволу, личным страстям и частным видам», а, следовательно, не ввергнет государство в «ужаснейшие бедствия и междоусобия».

Лидер южан был горячим противником крепостного права. «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало», — утверждал он на следствии. О необходимости его уничтожения написаны самые страстные, яркие страницы проекта:

«Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми. Нельзя ожидать, чтобы нашелся один злосовестный дворянин, чтобы не содействовать всеми силами к уничтожению рабства и крепостного состояния в России. Но ежели бы, паче всякого чаяния, нашелся изверг, который бы словом или делом вздумал сему действию противиться или оное осуждать, то Временное верховное правление обязывается всякого такового злодея безызытно немедленно взять под стражу и подвергнуть его строжайше-

му наказанию, яко врага отечества и изменника противу первоначального коренного права гражданского. Сие уничтожение рабства и крепостного состояния возлагается на Временное верховное правление, яко священнейшая и непременимая его обязанность» (Пестель П. И. Русская правда // Восстание декабристов. М.-Л., 1952. Т. 7. С. 156).

Аграрная программа Пестеля преследовала цель, освободив крестьян, улучшить их положение, «а не мнимую свободу им даровать». Для этого земли каждой волости делятся на две части, одна из которых будет собственностью общественной, другая — частной. Для формирования общественного земельного фонда предусматривалась частичная конфискация помещичьих земель (если у помещика имелось более 10 тысяч десятин, то половина отбиралась «без всякого возмездия», а если менее — то с денежным или земельным возмещением). Но в любом случае помещик не мог владеть более чем 5 тысячами десятин. Национализированные таким образом земли Пестель предполагал разделить на две части: общественную и частную.

Земли общественные (волостные) предназначаются для «доставления необходимого всем гражданам без изъятия»; они не могут продаваться или закладываться. Каждый россиянин имеет право получить в своей волости участок земли, достаточный для пропитания одной семьи (муж с женой и тремя детьми). Земли частные свободно продаются и покупаются; они «будут служить к доставлению изобилия». Цель всего этого необычного аграрного проекта — обеспечить каждому россиянину прожиточный минимум, защищающий его от нищеты и от произвола «аристократии богатств».

Этот аграрный проект Пестеля вызывал неоднозначную реакцию у его сторонников, особенно у тех, кто владел крупными земельными угодьями. Неоднозначны в его оценке и историки. Александр Герцен считал, что руководитель Южного общества был «социалистом прежде, чем появился социализм»; немало позднейших историков эту точку зрения разделяют. Другие усматривают в этом проекте отражение общинной традиции землепользования: часть земель используется коллективно, часть — индивидуально. Наконец, третьи справедливо указывают на общность этих глав «Русской правды» с системой землевладения в древнем Риме. Очевидно, что главным для Пестеля был понимаемый в широком смысле слова принцип справедливости, со-

циальной правды, устраняющий потенциальные конфликты и противоречия, цементирующий общество и способствующий желанному «единородству, единообразию и единомыслию».

Одним из первых отечественных мыслителей Пестель отразил в теории новые общественные противоречия, складывающиеся в развитых странах Европы. «Отличительная черта нынешнего столетия ознаменовывается явною борьбою между народами и феодальною аристокрацией, во время коей начинает возникать аристокрация богатств, гораздо вреднейшая аристокрацие феодальной». Возникновение в России «аристокрации богатств» неизбежно, поскольку в гражданском обществе будут обеспечены собственность, свобода предпринимательства, частная инициатива и конкуренция. Именно поэтому, считал Пестель, следует принять особые меры против всевластия богатых и обнищания масс. Пестель выступал против имущественного ценза: «Богатые всегда будут существовать, и это очень хорошо, но не надобно присоединять к богатству еще другие политические права и преимущества». По «Русской правде» все русские, достигшие 20 лет, имеют всю полноту гражданских и политических прав, в том числе и избирательных. Голосовать могли граждане любого достатка, грамотные и неграмотные (кроме женщин).

Пестель был сторонником республики. По его проекту верховную законодательную власть в России будет осуществлять Народное вече, избираемое на пять лет (каждый год обновляется 1/5 его часть). Законы «обнародуются и на суждение всей России предлагаются». Верховная исполнительная власть поручается Державной Думе, состоящей из пяти человек, выбранных народом (затем — один ежегодно избирается Народным вече из кандидатов, предложенных губерниями). В подчинении Державной Думы состоят все министерства (приказы). Для того, чтобы эти власти не выходили из своих пределов, учреждается судебная власть, которая поручается Верховному Собору (120 «бояр», пожизненно назначаемых Народным вече из кандидатов от губерний). Верховный Собор проверяет законность всех мер, принимаемых государственными учреждениями.

В отличие от Муравьева, Пестель — сторонник единого русского централизованного государства. Федерацию он отвергал как возрождение «удельной системы». Особенно пагубной и вредной он считал федерацию в России, где много «племен», языков и вер. В будущей России, полагал Пестель, все они обрусуют: «Все различные племена, составляющие Российское государство, признаются русскими и, ела-

гая различные свои названия, составляют один народ русский». Исключение составит Польша — Пестель был сторонником ее отделения от России (включая и присоединенные при Екатерине II западнорусские земли), но при условии, что в Польше события будут развиваться по сходному с Россией сценарию (революция, уничтожение сословного строя и угнетения крестьян, установление республики, проведение либеральных реформ).

Для тех же народов, которых трудно было интегрировать в «единое и неделимое» российское государство, Пестель предусматривал переселение. Таковы были его планы в отношении горцев Кавказа и евреев. Кавказские народы предполагалось разделить на «мирных» и «буйных» — «первых оставить на их жилищах, дать им российское правление и устройство», а вторых «силою переселить во внутренность России, раздробив их малыми количествами по всем русским волостям», а на отнятых у них землях «завести русские селения, .. дабы сим способом изгладить на Кавказе даже все признаки прежних (то есть теперешних) его обитателей и обратить сей край в спокойную и благоустроенную область русскую».

Еще грандиознее было предполагаемое Пестелем решение еврейского вопроса. Отмечая, что «евреи составляют в государстве, так сказать, свое особенное, совсем отдельное государство», Пестель обдумывал план выселения евреев из пределов России. По его расчетам, «ежели все русские и польские евреи соберутся на одно место, то их будет свыше двух миллионов. Таковому числу людей, ищущих отечество, не трудно будет преодолеть все препоны, какая турки могут им противопоставить и, пройдя всю европейскую Турцию, перейти в азиатскую и там, заняв достаточныя места и земли, устроить отдельное еврейское государство».

Судя по всему, это еврейское государство должно было быть создано в Палестине. Единственный прецедент, на который здесь мог сослаться Пестель — это исход евреев из Египта. Видимо понимая, что для воплощения этого проекта нужна личность масштаба пророка Моисея, Пестель сделал оговорку: «Но так как сие исполинское предприятие требует особенных обстоятельств и иетишю-генияльной предприимчивости, то и не может быть оно поставлено в неперемнную обязанность Временному верховному правлению и здесь упоминается только для того, об нем чтобы намеку представить на все то, что можно бы было сделать». Кажется, намек автора «Русской правды» был услышан как русскими самодержцами, так и еврейскими си-

онистами, только вот итоги в первом случае оказались печальными, а во втором — позитивными.

Для осуществления «Русской правды» предполагалось установление Временного верховного правления. Сам Пестель предусмотрительно не оговаривал время его деятельности, но по показаниям других декабристов на следствии можно утверждать, что планировался срок в 10—15 лет. Временное правительство из пяти директоров при опоре на тайные общества и воинские части должно провести размежевание общественных (волостных) и частных земель, предупредить и подавить возможные волнения и беспорядки. Эта часть пестелевского плана — фактически введение военной диктатуры на переходный период — вызвала, пожалуй, самые резкие возражения и упреки в якобинстве как у современников, так и у историков. Однако для автора эта мера была скорее строго практической и направленной на предотвращение гражданской войны.

Историки давно спорят о степени утопичности двух декабристских конституционных проектов, об их большей или меньшей укорененности в российской действительности и традиции. На сегодняшний день очевидно, что основанный на европейских идеях цензового избирательного права, конституционной монархии и федерализма муравьевский проект как раз именно в силу этих обстоятельств имел весьма туманные перспективы. Напротив, «Русская правда» с ее идеей традиционной для России сильной государственной власти и уравнительной демократии лучше вписывалась в российскую практику. Когда спустя тридцать шесть лет после восстания декабристов монархия решила на отмену крепостного права, то реформа оказалась ближе к пестелевскому плану (хотя крестьянам досталось гораздо меньше земли и за выкуп).

Не случайно в исторической перспективе (на сегодняшний день почти 180-летней) многие пестелевские идеи, начиная от создания всепроникающей тайной полиции и кончая революционной диктатурой, получили практическое воплощение. Предложенные же Муравьевым меры, по гамбургскому счету, до сих пор остаются для нас «в дали туманной, недосыгаемой» — там же, где и подлинное «политическое преобразование отечества».

Помимо проектов Пестеля и Муравьева, до нас дошли сочинения и других, более умеренных заговорщиков — например, Федора Глинки, Николая Тургенева, Михаила Фонвизина. В последнее время, в значительной степени под влиянием историографической усталости

от «трех этапов русского революционного движения» и усиления интереса к истории русского либерализма, почти все декабристское движение, за исключением лишь «тоталитарного» Пестеля, стали трактовать как либеральное.

Действительно, в заговоре были очень разные по своим взглядам и стремлениям люди. Николай Тургенев, Михаил Фонвизин, Федор Глинка были бесспорными либералами, всегда ставившими под сомнение революционные идеи и методы захвата власти. Особенно показательна фигура первого. Сын директора Московского университета, друга Новикова, масона, он учился в Москве и Геттингене. Вернувшись в Россию, служил в Государственном совете и министерстве финансов, стал одним из крупнейших экономистов своего времени. Его книга с сухим названием «Опыт теории налогов» выдержала два издания и была интеллектуальным бестселлером своего времени.

В десятой главе «Евгения Онегина» при описании декабристских собраний есть слова: «Одну Россию в мире видя,/ Преследуя свой идеал,/ Хромой Тургенев им внимал/ И, плети рабства ненавидя,/ Предвидел в сей толпе дворян/ Освободителей крестьян». Действительно, и государственная служба, и литературная деятельность, и участие в Союзе благоденствия, и директорство в Северном обществе для Тургенева были средствами для достижения главной цели — освобождения крестьян. Ибо: «Какое просвещение может быть там, где факел христианства еще не рассеял сумерки варварства; какая цивилизация — там, где человек поработен человеком!» Он пытался и практически облегчить положение крестьян — перевел своих крепостных с барщины на оброк, в 1821 г. передал им безвозмездно тысячу рублей, организовал больницу.

В 1824 г. он уехал за границу «для поправления здоровья» и в восстании не участвовал, но за активную деятельность в тайных обществах был приговорен к смертной казни (замененной впоследствии вечной каторгой) и в Россию не вернулся, став, очевидно, первым русским политэмигрантом.

В 1847 г. Тургенев издал свой знаменитый трехтомный труд «Россия и русские», в первом томе которого поместил свои воспоминания, во втором — общий очерк политической и социальной жизни России, в третьем — проект грядущих преобразований. Здесь он остался верен себе: сначала отмена крепостного права, реформа судопроизводства с введением суда присяжных, выборность администрации и реформа местного самоуправления, свобода печати. Только затем Тургенев

предполагал установление конституционного строя, основанного на основном законе (как и Пестель, он назвал его «Русской правдой») и разделении властей. При категорическом отрицании им любых насильственных методов вся надежда оставалась на мудрость верховной власти. Действительная история реформ Александра II показала цену такой надежде.

После восстановления в 1856 г. в гражданских правах он приезжал в Россию, горячо участвовал в обсуждении крестьянской реформы. Когда в феврале 1861 г. в церкви русского посольства в Париже читался манифест об отмене крепостного права и священник вынес крест, все присутствовавшие посторонились, уступая дорогу Николаю Тургеневу и признавая тем самым его вклад в великое дело.

Тургенев был автором «либеральной» концепции истории тайных обществ в России. Согласно этой концепции, не только сам ее автор, но и большинство других участников этих организаций никогда не желали насильственного переворота, цареубийства и республики. А если какое-то тайное общество и желало всего этого, то сам он, Тургенев, никогда в такой организации не состоял. Правда, далеко не все декабристы были впоследствии согласны с этой концепцией. Так, Сергей Волконский, создавая на старости лет свои мемуары, заметил по поводу книги Тургенева «Россия и русские»: «Случай, за который радуюсь за Тургенева, выпихнул его лично из Верховного уголовного суда, но не было ли ему еще более в обязанности не порочить печатно своих братьев?». Интересно, что в последнее время в отечественной историографии взгляды Тургенева возрождаются. Так, В.М. Бокова в своей книге по истории тайных обществ сомневается в «революционной природе» движения по причине «слабого присутствия намерения захватить власть и править самим». Разумеется, с таким подходом трудно согласиться. В очень неоднородном, «густонаселенном» и противоречивом декабристском движении всегда существовали и боролись революционная и либерально-реформистская линии (а порой и переходили из одной в другую, как у Никиты Муравьева), но первая несомненно преобладала. Это обстоятельство хорошо показывают слова Пестеля на следствии: «Тайное наше общество было революционное с самого начала своего существования, и во все свое продолжение не преставало никогда быть таковым. Перемены, в нем происходившие, касались собственного его устройства и положительного изяснения его цели, которая всегда пребывала революционная, и потому не было члена в Союзе, на которого бы Союз

не надеялся именно для произведения революции, содействия ее успехам или участия в ней». Думается, что категоричному утверждению ключевой фигуры десятилетнего тайного заговора можно верить.

14 декабря 1825 года

Разногласия Северного и Южного обществ помешали их объединению. Петербургские совещания весны 1824 г. закончились, вместо объединения, скорее, отчуждением двух тайных обществ и их лидеров. Пестель переживал случившееся как тяжелое поражение: «Я начинал сильно опасаться междуусобий и внутренних раздоров и сей предмет сильно меня к цели нашей охладевал». Как он признался на следствии, «Русская правда» «не писалась уже так ловко как прежде». Своим соратникам и друзьям в 1824 и 1825 гг. он не раз говорил о желании покинуть общество, уехать за границу — потому что только так он сможет доказать своим единомышленникам, что он не честолюбец, который «намерен половить рыбку в мутной воде».

Сергей Волконский сетовал впоследствии, что отговорил Пестеля от этой идеи. «Он был бы жив, и был бы в глазах Европы иным историком нашего дела, как так недобросовестно, и скажу даже лживо выказал печатно Николай Тургенев, который уверяет, что не был членом общества», — писал он в мемуарах.

По воспоминаниям же Николая Лорера, в ноябре 1825 г. Пестель заговорил с ним о необходимости «принести государю свою повинную голову с тем намерением, чтоб он внял настоятельной необходимости разрушить общество, предупредив его развитие дарованием России тех уложений и прав, каких мы добиваемся». Но ни один из своих планов Пестель воплотить в жизнь так и не успел. Как известно, он был арестован 13 декабря 1825 г. по доносу своего подчиненного, капитана Майбороды, принятого им же в тайное общество.

В 1825 г. перемены происходят и в обществе Северном. Отошел от дел Никита Муравьев: он женился, у него появились дети, умерший дед оставил немалое состояние, и хозяйственные дела требовали постоянного внимания. В начале того же года столицу покинул и другой оппонент Пестеля, князь Трубецкой. Он уехал в Киев, на новое место службы. Уезжая на юг, Трубецкой, между прочим, хотел ослабить влияние Пестеля в Южном обществе, предложить участникам этого

общества собственное руководство. «Я намерен был ослабить Пестеля», — сообщал Трубецкой следователям.

В руководство Северным обществом пришли новые люди. И главным из них стал Кондратий Рылеев.

В отличие и от Пестеля, и от многих других декабристов, по своей психологии Рылеев был человеком сугубо штатским. Окончив кадетский корпус, он несколько лет прослужил в военной службе. Несмотря на то что Рылеев участвовал в заграничных походах, он не выслужил ни чинов, ни орденов, ни денег. Рылеев долго искал себя и наконец нашел: он стал знаменитым поэтом, журналистом и издателем. Кроме того, с 1824 г. он — правитель дел в крупном коммерческом предприятии, Российско-Американской компании, занимавшейся разработкой промыслов в российской части американского континента.

Благодаря коммерческой, литературной и издательской деятельности Рылеева вокруг него к 1825 г. сформировался кружок свободолюбиво настроенных молодых людей, большинство из которых были гвардейскими офицерами. Именно эти офицеры, «рылеевская отрасль» в Северном обществе, как называют их историки, оказались 14 декабря 1825 г. главными действующими лицами. Последние перед восстанием совещания заговорщиков проходили на квартире Рылеева.

Смерть Александра I, нелепое междуцарствие, возникшее в результате яростной и еще во многом для нас загадочной борьбы в правящей верхушке, подхлестнули заговорщиков. Яков Гордин в своей замечательной книге «Мятеж реформаторов» буквально по часам и минутам рассмотрел события и междуцарствия, и самого 14 декабря, показав их необыкновенный драматизм и ошеломляющие, но упущенные возможности. Когда анализируешь эти события, трудно отделаться от мысли, что какой-то злой рок преследует опытных военных людей, прошедших поля сражений и кабинеты государственной службы. Весьма перспективный план восстания, разработанный вернувшимся из Киева князем Трубецким, рухнул еще до рассвета 14 декабря. Сам он вследствие этого не явился на Сенатскую площадь. Новый же «диктатор» восстания, поручик князь Оболенский, был выбран только за час до того, как Николай I отдал приказ стрелять картечью по каре мятежных полков. Горячие головы заговора, бравшие на себя 11, 12 и 13 декабря его основные задачи, один за другим отказывались или не могли их выполнить. По свидетельству современника, М.М. Сперанский, стоя вечером 14 декабря у окна с видом на Сенатскую площадь, печально произнес: «И эта штука не удалась!»

Южное общество тоже сделало попытку вооруженного выступления. Как и в Петербурге, эта попытка оказалась неудачной. 29 декабря 1825 г. подполковник Сергей Муравьев-Апостол, командир батальона в Черниговском пехотном полку, поднял свой полк на восстание. Однако через три дня похода выяснилось, что другие воинские части, даже те, в которых служили члены Южного общества, не спешат поддержать восставших. Сергей Муравьев не смог удержать полк в повиновении: восстание черниговцев превратилось в анархический бунт, а сам полк — в полупьяную толпу. 3 января полк был расстрелян правительственной артиллерией, а тяжело раненый руководитель восстания арестован. Активный участник восстания, друг Сергея Муравьева Михаил Бестужев-Рюмин с горечью признал перед казнью: «Самый успех нам был бы пагубен для нас и для России».

Когда читаешь написанный Трубецким радикально-реформаторский «Манифест к русскому народу», близкий к пестелевской «Русской правде», или «Православный катехизис» Сергея Муравьева-Апостола, смелую попытку политического и социального христианства, доселе практически неизвестного на русской почве, невольно думаешь о том, что мысль их авторов обогнала свое время и могла быть воплощена в жизнь только силой верховной власти, которую они не сумели завоевать.

Очевидно, прав был отошедший в последний год от заговора Михаил Орлов, замечавший, что «обстоятельства созрели прежде их замысла». Но созреть замыслам не дали собственные амбиции и яростная борьба внутри движения, непогрешимая непреклонность одних, подозрительность других, двойная игра третьих. В итоге, после полугодового следствия, 120 участников тайных обществ были приговорены к каторге, ссылке, разжалованию в солдаты. Пять человек: Пестель, Рылеев, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин и Петр Каховский (застреливший на Сенатской площади генерал-губернатора Петербурга графа М.А. Милорадовича) были приговорены к смертной казни. 13 июля 1826 г. они были повешены. Самому старшему из казненных, Пестелю, едва исполнилось 33 года, самому младшему — Бестужеву-Рюмину — было 25 лет.

Но если бы тогда, на петербургских совещаниях 1824 г., они сумели объединиться, события могли бы принять совсем другой оборот. Исследователи декабризма и писатели не раз пытались заглянуть в это воображаемое будущее. Одна из самых удачных попыток — это глава «Фантастический 1826-й» в книге Н.Я. Эйдельмана «Апостол Сергей».

В ней автор со всем блеском своего таланта и эрудицией историка дает краткий очерк «альтернативной истории» победы восстания Черниговского полка, к которому присоединяется весь 3-й корпус армии и другие части. К 7 января взят Киев, «временное правление армии» провозглашает конституцию, освобождение крестьян с землей, облегчение солдатской службы и отмену военных поселений. Корпус во главе с Бестужевым-Рюминым идет на Москву, поляки восстают, арестовывают наместника Константина и провозглашают независимость. Крестьяне захватывают земли и жгут усадьбы. Николай I в Петербурге совещается с несколькими преданными вельможами, а в порту готов корабль, который увезет его с семьей в Пруссию. В феврале объединенные силы нескольких корпусов берут Москву, Николай бежит, а императрицей московское временное правление провозглашает вдову Александра I Елизавету Алексееву.

В феврале-марте в Петербурге власть берет в свои руки Директория (от тайных обществ — Пестель и Орлов, от Сената и Государственного совета — Сперанский, Мордвинов). После смерти тяжело больной Елизаветы Алексеевны объявляется республика. Нарастают внутренние и внешние конфликты, в верхах идут яростные споры о немедленных выборах или диктатуре армии. Могло произойти много неожиданного, но и в случае реставрации уже невозможно повернуть вспять — восстановить крепостное право, отменить конституцию. Мудрый историк завершает свой рассказ словами: «Не было. Могло быть».

Подробнее на эту тему:

Търдин Я.М. Мятеж реформаторов: 14 декабря 1825 г. Л., 1989.

Киянская О.И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. М., 2002.

Киянская О.И. Южный бунт: Восстание Черниговского пехотного полка (29 декабря 1825–3 января 1826 г.). М., 1997.

Парсамов В.С. Декабристы и французский либерализм. М., 2001.

Бокова В.М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX века. М., 2003.

Эйдельман Н.Я. Лунин. М., 1970.

Эйдельман Н.Я. Апостол Сергей. М., 1975.